

Стихотворения

16+

*Маленькая капелька
в океане чувств*

СТИХОТВОРЕНИЯ

Владимир Роберта
Маленькая капелька в океане
чувств. Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63454866

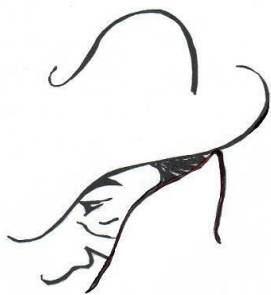
SelfPub; 2020

Аннотация

Это книга лирических стихотворений, написанных в разные годы (1957-2016) в различных формах (по правилам классического стихосложения, свободный стих, верлибр) и отображающих внутренний мир автора, его взаимоотношения с внешним миром (любовная, философская, гражданская лирика).

Владимир Роберта
Маленькая капелька
в океане чувств.
Стихотворения

Владимир Роберта

Стихотворения

АКРОСТИХ

*Вонзая в душу мысли зубы,
Ловлю в потоках чувств слова;
А славы – восхищенно-грубой,
Доверчивой, как тетива,
Или доверенной, как пуля,
Мгновенной, словно жизнь моя,
Иль вечной – не желаю я.
Растаю, сгину в общем гуле.*

*Растаю... Но, сойдя с вершин
Обвалом искреннего чувства,
Бесславные слова души,
Её обнявшие до хруста,
Робея, ждут тебя в тиши.
Ты лишь дотронься – и, быть может,
Аккорды мысли слух встревожат.*

Стихи разных лет (1957-2016)

* * *

Ты прости-прощай, дом отчий,
Не печалься и не сетуй.
Ухожу я тёмной ночью
На свидание с рассветом.

Ухожу. Надёжен мостик
Из мечтаний паутины.
Ухожу я к ветру в гости
И к дождю на именины.

Ухожу в леса и горы
Песни петь и слушать эхо,
Заплетать печаль в узоры,
Заходиться в травах смехом.

Ухожу бродить в долины
Тишину собирать в букеты.
Отчий дом, прости же сына,
Не печалься и не сетуй.

1957

* * *

Сыплет с дерева лист багряный,
Стелет под ноги мягкий ковер.
Я, как тихий листвы разговор,
Для тебя непонятно-странный.
Сыплет с дерева лист багряный.

И любой – посмотри под ногой –
Будто точно такой же, как рядом;
Но взглядишь в них внимательным взглядом –
Ни один не похож на другой.
Каждый лист – посмотри под ногой.

Очень жаль, что тебе не понять
Как меня, так и песни ветра,
Плач дождя или смех проспекта,
Иль багряной тиши благодать.
Очень жаль, что тебе не понять.

1958

* * *

Грустно в минуту прощанья...
Правда иль горький обман
Слились в одно «до свиданья»...
В осенний туман.

Голые сетки веток,
Золото под ногой...
Вот и уплыло лето
Вместе с тобой.

1959

ОСЕНЬ

Плачет фонарь под печальною крышею,
Старушка-акация громко тужит,
Ветер-неряха воду колышет
И не даёт посмотреться в луже.

Небо на нитяном пьедестале,
Последний листик слетел с каштана,
Луну-бездельницу с неба сняли
За жуткий срыв любовного плана.

1960

* * *

Снова осень
асфальты зеркалит.
Сколько их было?..
Всё осени...
осени...
Пусть это
капли росы в бокале,
пусть обиды все
мы отбросили,
пусть я влюблен,
снова полон надежды,
пусть сам себе
я сейчас не товарищ...
Ну, отведи меня
в тёплое «прежде» –
большого ты
никогда не подаришь.

1960

* * *

Придет или нет?..

Придет или нет?..

Чьи-то шаги на лестнице...

Вновь тишина.

На ступенях свет

застывшего

бледного

месяца.

Холодно.

Тихо.

А в жгучей груди,

как в клетке,

зверь пойманный мечется.

Ведь ты обещала.

Приди же.

Приди!

Почему ты спокойна,

лестница?

И тень обожгла.

Не похожая.

Нет.

Горько заплакала лестница.

И холодно снова.

И снова лишь свет

застывшего
бледного
месяца.

1965

* * *

Жутко мне в сомнении бредовом.
Болен я. То жарко. То озноб.
Мне б глоточек неба голубого.
Мне бы правду влажную на лоб.

1965

* * *

Я любовь свою нарисовал.
А потом вместе мы её стёрли.
Остался лишь след... И пустые слова
Жмутся комками обидными в горле.

1965

* * *

Я
и зеркало.
То есть –
я
и я.
У каждого тишина своя.
У каждого темнота своя.
Друг перед другом –
я
и я.

У меня сигарета
и у меня сигарета.
Спрячу её –
никого нету.
Ни меня,
ни меня.
Ни огня,
ни огня.

Огонёк сигареты –
зрачки, как трубы.
Огонёк сигареты –
добрые губы.
Ещё затянулся...

Ещё раз...

И снова –

лицо в темноте,
как в тишине слово.

Огонёк сигареты.

Дымок кривой.

Вглядываюсь пристально
в себя самого.

Слушай, я!

Что за кислая мина?

Давай говорить,
как мужчина с женщиной.

По моим глазам
нелегко разгадывать –
давай-ка сам
душу выкладывай...

Огонёк сигареты.

Дымок кривой.

Я

и я.

И нет никого.

Огонёк сигареты.

Раз...

Два...

Три...

Вот – душа моя.

Смотри.

Смотри!

Видишь какая?

Руками не тронь!

Поздно – схватил я.

А это – огонь.

Огонёк сигареты

звёздами в стороны.

Быстро склевали их

чёрные вороны.

Дёрнулся в судороге

дымок кривой.

Темь.

И тишь.

И нет никого.

Темь

и тишь

свалились глыбой.

Спички...

Спички...

Спички найти бы.

1965

* * *

Отходит твой поезд.

Объятья и слёзы –

кому-то.

А мне –

лишь:

«Пиши».

И вдруг

зазвучали

глаза,

как колёса

вагонов,

на ритмах души:

«Люблю тебя.

Слышишь?

Люблю тебя.

Слышишь?!

Люблю.
Не молчи.
Не молчи!»
Умчался твой поезд.
Колёса всё тише
стучат...
И смолкают в безмолвной ночи.

1965

* * *

Мне не хочется серого дня.
Так хочу, чтобы солнце грело.
Ну, не сердись на меня.
Что я такого сделал?

Был несказанно рад
Теплу твоему и свету
И не бранил листопад,
Просто хотелось лета.

Хватит меня обвинять,
Я виноватым не был.
Ну, не сердись на меня.

Ну, улыбнись мне, небо.

1965

* * *

Луже небо приснилось во сне
И акация в старенькой шали.
Ты улыбнулась мне,
А глаза твои промолчали.

Вздрыгнула лужа во сне,
Акация зябко пожала плечами.
Ты сказала «люблю тебя» мне,
А глаза твои промолчали.

Я тебе ничего не сказал –
Всё равно ты поймёшь по глазам.

1965

* * *

Твои волосы, словно дожди осенние.
И глаза, словно ночи – черней темноты.

Шорох листьев и их падение –
Наивное, трепетное – это ты.

Потому так люблю эту осень,
Потому и дождям я рад,
И деревьям, которые сбросили
Мне под ноги пьянящий наряд.

1965

* * *

В луже фонарь и жёлтый клен,
В луже чьё-то окошко.
В ней не бывает бушующих волн,
Только зыби немножко.

Она от мороза вымерзнет скоро...
Или солнце её осушит...
Может её занести и сором –
И больше не будет маленькой лужи.

И всё-таки лужа – кусочек мира,
Кусочек мира на несколько дней.
Для кленового листика – это квартира,
Он принимает в ней гостей.

Ветер промчится – лужицу в дрожь.
Сора боится, солнца и стужи.
В ней я увидел себя. Как похож
Часто бываю на мелкую лужу.

1965

* * *

Молодая стройная берёзка
К речке от опушки отошла.
На берёзке модная полоска.
И головка рыжая мила.

Возле речки заблудился ветер.
Замерла берёзка, чуть дыша.
Оглянулся он, её заметил:
«Здравствуй! До чего ж ты хороша».

И обвили руки её плечи,
Губы грудь исцеловали ей.
А у ног заволновалась речка,
Лес шумит и шепчет дождь: «Не смей».

Разлетелась чудная причёска
Языками буйного огня.
Ветер ей: «Не бойся. Ты, берёзка,
Лучше всех на свете для меня».

А она: «Дрожу я не от страха.
Я ждала – любовь пришла ко мне».
Спала наземь жёлтая рубаха
И поплыли серьги по волне.

Улетел он. Голенькие плечи
Словно просят: «Ну, погрей. Погрей».
Рядом строго хмурит брови речка.
Лес молчит. И плачет дождь по ней.

1965

* * *

По нетронутой глади иду.
Я следы оставляю чёткие.
Снежинки мне жалуются на лету
На зимы свои короткие.

И падают, падают в каждый след

Задумчивые тихони.

Были следы – и следов уже нет...

Снежинки следы хоронят.

1965

* * *

Твои глаза сказали «да».

И словно тронули струну.

А ты упряма и горда –

Ты не смогла промолвить «да»,

Глаза, не ведая стыда,

Тебя предав, сказали «да».

Теперь ты у меня в плену.

Тебе не вырваться из плена –

Стена из глаз, из губ, из рук.

Ты растечёшься в моих венах,

Ты будешь вдох мой, сердца стук.

1965

* * *

– На тебе снег притих,
а в глазах расцветают цветы.
– Не удивляйся, это в глазах моих
отражаешься ты.

1966

* * *

Вы думаете, что весёлый не в меру я,
Что мне бы только песни да смех?
Посмотрите на небо – мрачное, серое,
А оттуда сыплется весёлый снег.

1966

* * *

За моим окошком
дикий виноград,
за моим окошком
листья говорят.

Говорят, что ветер злой
не за горами;
говорят про осень

красными губами;
говорят, что солнца
нет вкусней, чем в мае
(жаль, что языка их
ты не понимаешь);
говорят, что тучи
выкрали луну
(я тебе дословно
всё переведу);
говорят, что лучше
ливня нет напитка;
говорят, что скоро
у них с ветром битва,
что сильнее ветер,
но они отважней,
что они готовы
к этой битве каждый.
И что будет страшной
и жестокой битва,
что их срежет ветер
словно острой бритвой,
что он их задушит
в ледяной ладони,
что их по дорогам
пленными погонит.
Что они восстанут.

Что они повсюду
праздновать победу
майским утром будут.

За моим окошком
дикий виноград,
за моим окошком
листья говорят.

1966

* * *

Я боюсь поставить ногу –
снежинки.
Земля словно стала святая.
Я боюсь их коснуться – могут
снежинки
в теплоте моей растаять.

1967

* * *

Нарисую лес и речку,
Парочку весёлых крыш,

Нарисую человечка –
От цветка не отличишь.

Я, взрослея, не взрослею.
До сих пор во снах порой
Вижу злобного Кощея
С подлой Бабою Ягой.

До сих пор я вижу звёзды
В свежесвыпавшем снегу.
Почему-то стать серьёзным,
Как другие, не могу.

Нарисую лес и речку,
Парочку весёлых крыш,
Нарисую человечка –
От цветка не отличишь.

1967

* * *

Кто-то шепчет: «Зачем тебе жизнь?
Что тебе в её жгучем горении?
Откажись от неё, откажись.
Счастье – миг, остальное – смятение».

Замурованный наглухо в жизнь,
Я живу её счастья мгновением.

1967

* * *

Ей стать бы кому-нибудь близкой,
Впитать в себя мысли и чувства...
Ей стать бы любовной запиской,
Стать песней весёлой... иль грустной.

Она была белой и чистой,
Не знавшая красок и строчек...
Огонь был красив и неистов,
Был весел, был нежен и сочен.

Светилась в глазах его радость,
Был ярок он, полон был силы.
Взглянула... и с первого взгляда
Она, запыхав, полюбила.

Я видел, как он её обнял,
Как он целовал её плечи...

Они были счастливы оба...
Минуту... но в ней была вечность.

И было ей вовсе не страшно
Собою испытывать вечность...
Она была просто бумажкой,
Я ею растапливал печку.

Она была белой и чистой.
Впитать могла б мысли и чувства...
Не стать ей любовной запиской...
И песней весёлой... иль грустной.

Она была пылкой и верной,
Познавшая в пламени радость.
Завидую ей. Я сгорел бы...
Но вспыхнуть для этого надо.

1967

* * *

Ты говоришь, что в огромной Вселенной
Даже песчинкой человек не значится;
Ты говоришь, что мы в Мире мгновенны,

Что жизни и смерти – лишь Мира чудачества.

Но разве Мир – Рок, отдающий приказ:
«Умри, человек» иль «Живи и здравствуй»?
Мир мириадами звёздочек-глаз
Смеётся, когда я бываю счастлив.

Он дышит в тебе и во мне – весь он в нас.
Мир – не пространство, в котором пусто.
Мир мириадами звёздочек-глаз
Плачет, когда мне бывает грустно.

1967

* * *

Тёплый снег кружит, пьяня.
Может, скоро вьюга злая?..
Как ты можешь знать меня,
Если сам себя не знаю?

Подо льдом волнение рек –
Их движение не заметишь.
Может, добрый я, как снег,
Может быть, колюч, как ветер.

Под пьянящей теплотой
Нежности твоей и снега
Каждый шаг спокоен мой,
Но мне хочется побегать.

1967

* * *

Я сижу на поляне заснеженной.
Чувств алмазами блещет мой трон.
Чист, как снег я, горяч и нежен...
Но и холоден так же, как он.

Осторожен я, насторожен...
Как мне хочется сердце-алмаз,
Заметенное, замороженное,
Растопить в теплоте твоих глаз.

Заметенное, замороженное,
Сердце голое на ветру...
Почему его невозможно
Отогреть в теплоте твоих рук?

Одинок на поляне заснеженной

Я сижу – ледяной фараон.
Столько в снеге горячей нежности...
Но я холоден так же, как он.

1967

* * *

Снежинки так нежны со мной и ласковы,
Но всё равно скучаю по весне.
Я жду ее разнообразья красок...
И с белым снегом жаль расстаться мне.

1967

* * *

То нахлынет волна... то уходит...
То ли радуясь, то ль скорбя.
Ты со мной – я хочу быть свободен,
А свободен – мне нужно тебя.

Будь со мной – обожгу тебя страстью
Всех снегов моей жгучей груди,
Утоплю в половодии счастья...

А потом... уходи... уходи...

А потом приходи, будь со мной,
Неотъемлемой частью моею.
Уходи. Ни с тобой, ни с собой
Я подолгу бывать не умею.

1967

* * *

Лица,
лица...
Ноги,
ноги...
Днём
я теряю себя
среди многих.
В сутолоке улиц
и между
прочим.
С собою встречаюсь я
только ночью.
Лежу
и смотрю на себя,
не мигая.

Думаю.
Спору.
Хвалю.
И ругаю.
То в пыль превращаюсь,
то в прелесть долин.
Слуга своим чувствам...
и их властелин.

Вдруг
чувствую,
мною
темнота озарилась,
и я наполняюсь
какою-то силой.
Заполнены
грудь моя,
рот мой
и уши
чем-то
невесомым,
безвоздушным.
Открыта ладонь моя –
в ладони тоже
что-то такое –
ни на что не похожее.

И я становлюсь
всё огромней,
огромней...

Что потом –
ничего не помню.

Вижу, проснувшись,
день
буднично-строгий.
Днём
я теряю себя
среди многих.

1967

* * *

Как ты живёшь на белом свете? –
Нет правды для тебя – всё ложь;
Коль дождь идёт, его ругнёшь,
А солнце светит – не заметишь.

Ты не заглядывался в дали;
Пришла мечта – прогнал мечту;
Не рад ты первому листу,

А ветки голы – не печален.

Что мозга спрятали отсеки?

Что, кроме будней суеты?

Ужель родиться можешь ты

Ещё и в следующем веке?

1967

* * *

Наглухо укутанный в чёрную шаль ночи,

я лежал с широко раскрытыми глазами.

Поднял руку...

и не увидел её –

я стал таким же, как ночь.

Растворился в ней.

Исчез.

Стал невидим даже себе самому.

И сердце моё

словно захлебнулось чёрной кровью,

чёрной, как эта ночь.

Потом захныкало...

И больно завывало,

погрузившись в холодную чёрную тоску.

В глазах у меня затошнило.

Я закрыл их.

И тотчас же увидел маленькую яркую точку.

Увеличиваясь,

она огненным шаром ударила мне в глаза.

Я вздрогнул.

Никогда ещё не видел такого настоящего солнца.

Оно уже не было шаром, как раньше,

сейчас оно было всё:

земля,

небо –

весь мир.

И сердце моё тоже стало солнцем.

Оно засмеялось,

и кровь

солнечными лучами побежала по моим венам.

И я засмеялся,

полный света и счастья.

И вдруг,

не знаю откуда,

женский голос –

мягкий и тёплый, как солнечный луч,

нежный, как капля росы,

душистый, как лепесток цветка, –

сказал:

«С добрым утром, солнышко!

Пора вставать».

Я открыл глаза.
Утро было действительно очень добрым.
Вставало солнце.
Я ещё никогда не видел такого настоящего солнца.

1967

* * *

Жизнь моя –
это солнце...
и небо плачущее,
это встречи с тобой...
и одиночество,
это грёзы надежд...
и грёзы утраченные,
это короткие дни...
и длинные ночи.

Жизнь моя –
это рыбка,
попавшая в сети
человеческих отношений,
законов,

условностей.

А я хочу жить,
как сильный ветер,
полный радости,
полный вольности.

Чтоб помчаться
за ярким сиянием грёз,
чтобы высушить грязь,
чтобы тучи развеять,
чтоб не плакать,
а только смеяться до слёз,
чтоб от радости
броситься
солнцу на шею.

1967

* * *

На белом платянице чёрные горошины,
Чёрные, а всё равно хорошие.

Девочка-девочка, не нужно вздохов.
Все привыкли, что чёрное плохо,

Что белое – хорошее, белое – чистое.
Чистоту, наверное, нужно выстрадать.

Платьице белое в чёрную горошину.
На свете немало людей и хороших.

И рядом с теми, что «ну их к бесу»,
Немало таких, что в душу не лезут.

Хорошо ли белое?.. Плохо ли чёрное?..–
Эти вопросы очень спорные.

Жених в чёрном, невеста в белом...
А, может быть, вовсе не в цвете дело?

Чёрное... белое... – лишь бы чистое.
Чистоту, наверное, нужно выстрадать.

На белом платьице чёрные горошины,
Чёрные, а всё равно хорошие.

1967

* * *

Стоит девочка-магнолия на тоненькой ножке,
Держит беленький цветок в зелёных ладошках;
Держит беленький цветок – нежный и невинный;
Лунный свет вокруг него тонкой паутиной.
«Подари на память мне, девочка, цветочек».
Покачала головой, отдавать не хочет.
Я не выдержал – цветок вырвал из ладошек.
А мне девочка вослед: «Брось, он нехороший».
Нехороший?.. Я вдохнул аромат всей грудью –
Того нет, что было, и того, что будет,
Только беленький цветок, нежный и невинный;
Лунный свет вокруг него тонкой паутиной.
И уставший, я заснул только новой ночью.
А проснулся... – пожелтел, умер мой цветочек.
Свет его душистых глаз навсегда засушен.
Только призрачный дурман душит меня. Душит.

1967

* * *

Я пальцами сердца тебя изваял,
А рук моих пальцы тебя не коснулись.
Ты чья-то чужая... И всё же – моя.
Моя, как засевавшая в черепе пуля.

1967

* * *

Сижу без движения и наблюдаю,
Как яркое солнце беспомощно тонет,
Как чайки сумбурной взволнованной стаей
Над волнами мчатся в извечной погоне.

В движеньях неистовство и нетерпение,
В их возгласах скорбь, но и радость случайная,
Во взлёте – тревога, в паденьи – стремление,
А вместе – мятежное счастье отчаянья.

И душу пронзает их тонкая жалоба,
И просит ответа, и просит участия.
Качается небо... Качается палуба...
Но где мне им взять без отчаянья счастья?

Без устали мчит за добычей стая;
И радость, и скорбь в этой страстной погоне...
А я без движенья сижую, наблюдая,
Как яркое солнце беспомощно тонет.

1967

* * *

Я знаю, что ты никого не любишь,
И знаю, что страсть твоих бурь без огня.
Но тем одурманен, что глаз твоих глуби
Радужно впускают к себе и меня.

Я знаю, что ты никого не любишь,
Что волны души твоей мне не верны.
Но тем восторгаюсь, что мне твои губы
Сегодня, как будто навек, отданы.

То яркое солнце, то тучи над нами.
То шепчешь: «Приди», то кричишь: «Уходи».
Но всё-таки счастлив, что можно губами
Коснуться твоей белоснежной груди.

Ты прячешь от всех своё сердце седое.
Хоть я для тебя равнозначен нулю,
Но рад, что опять повидался с тобою.
И счастлив уже потому, что люблю.

Часами глядят на тебя, камня,

Дыханье, любясь тобой, затая;
Но кажется мне, что никто не умеет
Любить тебя, море, так сильно, как я.

1967

* * *

Он поднялся гордый и великий –
солнца яркий раскалённый шар.
Улыбнулся ласково гвоздике –
в её сердце маленьком пожар.

А теперь уходит он. Уходит,
унося лучи другим цветам.
Ждут его, конечно, где-то там...
Сколько знает он и сколько любит родин?
Он уходит... Он уходит... Он свободен.

Как ей боль разлуки превозмочь?
Жутко и беззвучно воеет ночь.

Замерев в холодной тёмной пасти,
ждёт гвоздика солнечный восход.
И, как только к ней он подойдёт,

вспыхнет и расплается от счастья.

1967

* * *

Засыпаю, улыбаясь, –
все заботы к чёрту.
Просыпаюсь –
под окном
листья... листья мёртвые.
Вечером смеялись,
о любви шептали...
Что мои заботы?
Что мои печали?
Да мои невзгоды
все
и неудачи
рядом с этой смертью
ничего не значат.
А на небе так же
ярко солнце светит,
и живые листья
соблазняет ветер,
и живые
шепчут

и дрожат от страсти,
и живые жаждут
солнца,
ливня,
счастья.

«Что такое счастье?» –
я спросил однажды.
Листья мне сказали:
«Утоление жажды.
И большое счастье –
скрыть тебя от зноя».
Счастье моё, счастье –
вот оно какое.

Скорбный дождь
рыданье покатыл по крыше.
Где ты, моё счастье?..
Тише, сердце,
тише.

1967

* * *

– Что же вы сделали?

Вы наступили на сердце,
упавшее с чистого неба.

– Да это красный листик,
сорванный с дерева ветром.

– Нет,
это сердце.
Смотрите,
как оно бьётся.

Листик вздрогнул...
и...
умер,
втоптаный в липкую грязь.

1967

* * *

Два тела – одно у другого во власти;
Два тела, обвитые узами страсти;
Два тела, с огнём ошалевшим в груди.
Нет прошлого, нет ничего впереди,
Нет будней, нет бед – только праздник объятий,

Безумный, как лавой вскипающий кратер.
В нём властвует мудрая Тайна Начала,
Стыдливую скромность в нём жизнь развенчала,
В нём сладко паденье, в нём горько величье,
В нём нет равнодушья, в нём нет безразличья,
В нём счастье, над всем одержавшее верх,
В нём самый святой, самый праведный грех,
Которому слов, объяснений не надо,
В котором нет лжи, отравляющей ядом,
Которому бог – наслаждения стон.
Над ним нет законов. Он – Высший Закон.

1967

* * *

День
взял на руки Солнце,
пронёс его над Землёй...
и подарил Вечеру.
А Вечер
не удержал Солнце,
уронил его;
покраснел,
стыдясь такой слабости.

Солнце,
ударившись о край Земли,
разбилось;
кровь его
растеклась
по всему горизонту...
и впиталась в Землю.
И Земля
стала почему-то фиолетовой.
И Небо тоже.
Ночь
раскрыла ладонь,
рассыпая Звёзды,
голубые,
как День.
Она вынесла на руках Луну,
розовую,
как Вечер.

Это
День голубой,
это
розовый Вечер
фиолетовой
сделали Ночь.

1968

* * *

Что, облако,
слоняешься по небу голубому?
То примешь вид
верблюда надменного,
и думаешь,
что можно тебе своей персоной
и солнце заслонить.
То, расправляя пышный хвост,
гуляешь индюком,
закрыв полнеба,
и думаешь,
что в мире тебя важнее нет.
То вдруг ты –
крокодил,
фальшивой пастью пугающий ярчайшее светило.
Но ветер дунет –
и вот уже змеёй
ползёшь
и к солнцу тянешься,
стремясь его ужалить.
А иногда

прикидываться можешь
и добреньким слоном...
или кустом сирени.
Но своего обличья не имеешь —
всегда ты быть готово,
кем быть прикажет ветер.

1968

* * *

Похорони меня
в глухомани
своей души.
Похорони меня.
Свежим снегом
могилу мою припуши.
Похорони меня.
Ярким солнечным светом
могилу покрой.
Похорони меня.
Все несчастья твои
унесу я с собой.
Похорони меня.
Пусть могильный мой холм

будет нищенски строг.
Похорони меня.
Положи только камень большой,
чтобы встать я не мог.
Похорони меня.
Усмехнувшись,
одну лишь слезу урони на краю.
Похорони меня.
И один нераскрытый цветок
положи на могилу мою.
Похорони меня.
Чтоб на снежной груди моей
был он от смерти храним, –
похорони меня, –
согревай его вечно
дыханием тёплым своим.
Похорони меня.
Похорони меня.
Похорони.

1968

* * *

Ничего не требуя, не ворча,

Мне себя отдавая, горела свеча.

Горела так трепетно, грустя и смеясь.
А на улице дождь. А на улице грязь.

Сгорела свеча... Но всё так же дыша,
Над смертью её пламенеет душа,

Дрожа от волненья, грустя и смеясь.
А на улице дождь. А на улице грязь.

Сжимаются чёрные пальцы в замок.
Но, вырвавшись, снова горит огонёк,

Дрожа от волненья, грустя и смеясь.
А на улице дождь. А на улице грязь.

Уж небо светлеет... И вот из-за туч
Прорвался ликующий солнечный луч;

В окно заглянул и спросил: «Что у вас?»
Огонь улыбнулся и, вздрогнув, погас.

1968

* * *

Пробрал меня ветер до самых костей.
Пришёл я домой и улёгся в постель.
Спокойно текла моей крови река...
И вдруг я почувствовал рядом врага.
Во тьме затаился невидимый враг –
Окутал меня одиночества мрак.
И мне говорит он: «О, мой господин,
Сейчас мы с тобою один на один.
Доверься – тебя никогда не предам.
Входи в одиночества сумрачный храм.
Чтоб спрятаться сердцу, есть мгла и гранит,
А душу – тоска ледяная сохранит.
Пусть ветер завистливый бьётся в окно,
Никто не увидит нас – в храме темно.
Выкладывай всё, ничего не храни,
Никто не услышит нас – мы тут одни».
Вошёл в его храм я. И будто ослеп.
Сказал ему: «Это не храм – это склеп.
Боюсь я тебя и твоей темноты».
А он мне: «Не бойся, ведь я – это ты».
Так больно сдавил моё сердце гранит,
Горячую душу тоска леденит.
И я заметался, как пойманный зверь,
Ищу темнотою укрытую дверь.
И враг мой сказал: «До чего ж ты горяч.

Тебе тяжело – ты немного поплачь».
Взглянув в темноту, я ответил врагу:
«Я плакать от боли своей не могу.
Могу, забывая про гордость и стыд,
От счастья заплакать, по-детски, навзрыд».
И враг отступил. Всё же, мрачность храня:
«Бываешь ли счастлив?» – спросил он меня.

Очнулся я. Комната света полна.
И яркое солнце стоит у окна.
«Давно тебя жду», – мне оно говорит.
И я, как ребёнок, заплакал навзрыд.

1968

* * *

Из души моей потёмок
Глупый выскочил котёнок.
Кубарем скатился на пол...
Ножку стула поцарапал...
Почесал себя за ухом...
И погнался вдруг за мухой...
Побежал вперёд, назад...
Посмотрел во все глаза...

И, вполне в себе уверен,
Покатался на портьере.

Из души моей потёмок
Глупый выскочил котёнок.
Бегал он и вкривь, и вкось.

Это счастье родилось.

1968

* * *

Нахожу себя в каждой снежинке зимой,
Летом – в каждом цветке придорожном...
А когда прихожу на свиданье с тобой,
Мне себя отыскать невозможно.

Нахожу в темноте себя, в грустной тиши,
В крике радостном взвившейся стаи,
Даже в чаще своей непутёвой души...
Но как только ты рядом, теряю.

Куда же деваюсь, когда мы вдвоём?..
А, может быть, прячусь я в сердце твоём?..

1968

* * *

Родился весной, сияя,
Маленький степной побег...
Рядом с ним без жалоб таял
Одинокий старый снег.

Стебелёк судьбой доволен –
Жить ему, расти и петь...
Рядом землю грыз от боли
Старый снег, зовущий смерть.

Над ростком зелёным песней
Ветер пробует разбег...
Почерневший от болезней,
Тихо плакал старый снег.

К небу тянется росточек,
Унижаться не привык...
При дороге у обочины
Умирал больной старик.

1968

* * *

Не надо.
Я тебя, кажется, понимаю.
Не надо.
Ведь сирень отцветает в мае.
Не надо.
Беречь отцветшую сирень
не надо.
Удерживать стараться тень
не надо.

1968

* * *

Счастье наполнило меня.
Потому что во мне рождались слова,
завораживающие
солнечным светом и теплом,
свободой и силой ветра,
глубиной неба,
свежестью утра.
Эти слова рождались во мне одно за другим,

слагаясь в необыкновенную сказку,
волшебную сказку жизни.

Да, я счастлив.

Я счастлив!

Надо проснуться
и написать мою сказку.

Я проснулся...

Ещё звучали последние её слова.

Ещё звучали,
удаляясь в тишину ночи.

Я погнался за ними.

Нет.

Ничего нет.

Они ушли.

Растворились в темноте.

И вдруг над самым ухом
листья прошептали: «Ищи меня».

И снова всё стихло.

Я прислушался...

Где-то совсем рядом дышала моя сказка.

Я искал её,
растопырив слепые пальцы своей души,
забираясь во все закоулки памяти.

Нет.

Ничего не могу вспомнить.

Ни одного слова.

А ведь только что я был полон ими.

И всё в них было
так просто и ясно,
как ласковый взгляд.

Я искал и искал её.

И вдруг услышал: «Я здесь».

Это сказала солнце.

Я бросился к нему.

И каждое дерево на моём пути
говорит: «Вот я».

И я останавливаюсь.

И каждый цветок, каждая травинка
говорит мне: «Вот я».

И я останавливаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.